

«ГЛОКАЯ КУЗДРА» КАК МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ СЛОВ-ГИБРИДОВ СРЕДСТВАМИ ДВУХ ЯЗЫКОВ

Л. А. Баранова

Крымский государственный медицинский университет им. С.И. Георгиевского

В статье рассматриваются механизмы создания слов-гибридов средствами двух языков и особенности их функционирования в различных сферах языкового употребления.

Ключевые слова: интерференция, слова-гибриды, языковая игра

У статті розглядаються механізми створення слів-гібридів засобами двох мов і особливості їх функціонування в різних сферах мовного вживання.

Ключові слова: інтерференція, слова-гібриди, мовна гра

The article deals with the mechanisms of creation of the hybrid words by the means of two languages and the features of their functioning in various spheres of language usage.

Key words: interference, hybrid words, word's play

«Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокрѣнка». – Эту, ставшую классическим примером фразу, известную любому филологу, сконструировал в 20-е годы академик Л.В.Щерба, чтобы наглядно показать смыслообразующую роль словообразовательных формантов в русском языке. Однако является ли этот лингвистический конструкт мёртвой, застывшей схемой или его можно рассматривать как модель актуальных процессов живой русской речи? – Наблюдения над материалом показывают, что на самом деле в «глокой куздре», как в капле воды, отражаются весьма интересные и разнообразные процессы и явления.

В последние годы появилось значительное количество работ, в которых рассматривается лексическое влияние иностранных языков на русский язык в различных сферах его употребления, однако механизмы такого рода процессов рассматриваются, как правило, изолированно для каждой конкретной сферы. В частности, весьма большое внимание уделяется особенностям разговорной речи русских, живущих в иноязычной среде, например русской эмиграции разных поколений. Типичной особенностью данной сферы является заимствование из языка страны проживания лексем и оформление и употребление их по законам русской грамматической системы. Чрезвычайно яркие примеры бытовой речи русскоязычных эмигрантов последней волны в США приводятся в статье Т.Толстой: «Америка, город – любой, русский магазин. Покупатель: «Мне *полтаунда свисс-лоу-фетного* творогу». Продавец: «Тю! Та разве ж творог – *свисс-лоу-фетный*? То ж *чиз!*» Покупатель, колеблясь: «Ну, свесьте *полтаунда чизу*». Продавец: «Вам *послайсит* или целым *писом?*» (*cheese* – сыр; *Swiss low-fat* – швейцарский с пониженным содержанием жира; *pound* – фунт; *to slice* – нарезать ломтиками; *piece* – целый кусок)... Легко смеяться над «брайтонским» языком и пересказывать друг другу газетные и разговорные глупости: «*Марины* высадились в Неаполе» (*marines* – не чаровницы из борделя, а морские пехотинцы); «У нас весь дом *ликует*» (не торжествует, а протекает, от *leak* – протечка). – ...Ну и шо? Та люди ж приехали с Одессы, с Харькова, за родиной не скучают, кушают молочное, учат американский язык. Вот они уже наполовину говорят по-американски, нет? – Ах, нет, нет и нет. Ужас в том, что эти люди, по всем лингвистическим меркам, говорят все-таки по-русски. Грамматика этого эмигрантского волапука – русская, и никакое количество английских корней, вытеснивших привычные русские корни, не превратит этот язык в английский. Ужас и в том, что ни нормальный русский человек, ни нормальный американец не признают эту языковую плазму за внятную человеческую речь. Тем не менее на этой плазме изъясняются по всей Америке – много-много людей» [1].

Анализируя особенности русской речи потомков первой русской эмиграции во Франции, Н.И.Голубева-Манаткина выделяет группу слов (называемых ею варваризмами), которые «дублируют существующие в современном русском языке слова – их внешняя форма и значение воспроизводят французские слова, а изменяются они по русским образцам: «Пошли в *бистряк* (*бистрячок*)» (от *bistro*); «Русские были скоплены в одном *арондисмане* Парижа» (квартал, район) и под.» По наблюдениям автора, «подобные слова встречаются в речи русскоязычных французов, самых разных по образовательному и культурному уровню. Их можно найти у писателей русского зарубежья, но преимущественно в прямой речи персонаже... Русские эмигранты всегда осуждали употребление варваризмов, справедливо полагая, что они засоряют язык, а писатели иногда пародировали употребление таких слов» [2].

Фундаментальное исследование Е.А.Земской устной речи эмигрантов разных волн и поколений, живущих в Италии, Германии, Франции, Финляндии, США, позволило автору сделать следующие выводы: «В лексике иноязычное влияние обнаруживается достаточно быстро: включение иностранных слов и выражений в русскую речь свойственно представителям всех волн эмиграции. Словообразование, в отличие от других подсистем русского языка, не подвергается иноязычному влиянию. Напротив, иноязычные лексические элементы включаются в словообразовательные модели русского языка при производстве слов-гибридов» [3].

Другой сферой, где активно образуются подобного рода слова-гибриды, являются различные жаргоны – кодированная речь отдельных возрастных, социальных или профессиональных групп. Традиции жаргонов имеют глубокие корни. Так, в дореволюционной России особый профессиональный клан составляли офени – бродячие торговцы. «У них был особый тайный офенский язык – искусственный жаргон, насыщенный заимствованными (прежде всего из греческого) или заново созданными словами. Грамматика при этом в целом оставалась русской»[4]. Давние традиции имеет и воровское аргю, в последние годы активно внедряющееся не только в русскую разговорную речь, но и в язык средств массовой информации. Впрочем, специфика словообразования здесь несколько иная. В качестве основ используются главным образом не заимствованные, а искусственно созданные слова либо слова, имеющиеся в кодифицированном русском языке совершенно иное значение. Грамматическое же оформление, как и в других группах, не выходит за рамки русской словообразовательной системы. Сходные черты имеет и жаргон наркоманов и наркодельцов. И наоборот, преимущественно на заимствованиях (главным образом из английского языка) построен молодёжный жаргон, или, как его чаще называют, молодёжный сленг (*герла* – девушка – англ. *girl*; *шюзы-туфли* – англ. *shoes*; *трузера* – брюки – англ. *trousers* и под.), а также профессиональный компьютерный жаргон. Как известно, компьютерные технологии – сравнительно новая сфера деятельности, и подавляющее большинство терминологической лексики, обслуживающей эту сферу, заимствовано из английского языка. Освоение этой терминологии, вживание её в разговорную речь профессионалов также происходит в целом в рамках описанной модели с использованием механизмов каламбура, языковой игры. Среди многочисленных способов образования компьютерных жаргонизмов описанная модель занимает ведущее место: *аська* – программа *ICQ*; *вакса* – операционная система *VAX*; *пентюх* – компьютер марки *Pentium*; *сивуха* – компьютерная игра *Civilization*; *сервак* – от *server*; *флопак* – от *floppi-disk*; *нусюк* – персональный компьютер – от англ. аббр. *CD*; *сидюк* – компакт-диск – от англ. аббр. *CD*; *хомяк* – личный сайт – англ. *home page*; *мессага* – сообщение, послание – англ. *message* и под. Таким образом, «...происходит проникновение «волн», исходящих из английского языка, в «сети», заданные системой русского языка, в процессе этого контакта английский выступает как суперстрат, или язык-лексификатор, а русский как субстрат... Особенностью компьютерного жаргона являются игровые приёмы формирования его единиц. Поскольку носителем жаргона выступает в первую очередь молодёжь, ludическая функция жаргонного словоупотребления выдвигается на первый план... Английские лексемы, попадая в сети русского языка, используются как материал для игровых преобразований»[5]. Данная группа жаргонизмов, весьма значительная по объёму и подвижная по составу, становится (особенно в последние годы) принадлежностью не только профессионалов, но и многочисленных пользователей Интернета. Некоторые исследователи уже выделяют сетевой жаргон как самостоятельную разновидность жаргонов: «Народность осмысления чужих терминов, намеренное, хотя, может быть, и не осознанное стремление к стилистическому снижению их значимости, проявилось не только в их переименовании, но и в возникновении иронических или пренебрежительного оттенка. Смеховая культура, подробно исследованная М.М.Бахтиным, проявляется здесь на языковом уровне... Налицо народное смеховое осмысление того огромного потока английских техницизмов, который неизбежно входит в русскую обиходную речь с развитием Интернета в России. Сетевой жаргон всё более активно проникает в разговорную речь, становясь популярным и обретая устойчивость в речевой практике всех, кто использует Рунет»[6]. Большинство жаргонизмов независимо от сферы их распространения характеризуется чрезвычайно яркой эмоционально-экспрессивной окраской и стилистической сниженностью.

Использование иноязычных основ в русской грамматической парадигме как элемент языковой игры может являться и стилистически заданным средством создания комического: «Комический эффект производит приписывание иноязычным словам морфологических свойств русских слов, в частности способности изменяться по падежам...Эффект усиливается, когда присоединяемые элементы – частицы, окончания – имеют оттенок просторечности или разговорности, как, например, окончание партиги́ва в шутке «*Без кайфу нет лайфу*». При замене родительным (*Без кайфа нет лайфа*) комический эффект заметно уменьшается»[7]. Подобного рода стилистический приём следует отличать от так называемой макаронической речи (также используемой как средство комического), когда полные иностранные слова в русском графическом оформлении вставляются в русский текст (*Майне кляйне поросёнок ин дер итрассе побежал*). Новообразования описанного типа встречаются и в рекламных текстах. Достаточно вспомнить уродливый неологизм в рекламном слогане: «Не тормози, *сникерсни!*» В стиле «*глокой куздры*» может быть выстроен и целый текст, например, «лингвосказка» Л.Петрушевой «*Пуськи бятые*» (приведён отрывок): «*Бутявка вздрезнула, сопритюкнулась и уснула с напушки. А калуша волит калушатам:» Не трямкайте бутявок, бутявки любые и зюмо-зюмо некузьявые. От бутявок дудонятся». А бутявка волит за напушкой: «Калушата подудонились! Зюмо некузьявые! Пуськи бятые!»* – Искусственная абсурдность, затемнённость смысла (понятого, впрочем, любому носителю языка) является стилистическим приёмом, средством языковой игры, карнавализации текста.

Впрочем, данная модель может отражать и стилистически нейтральные явления. Те же самые механизмы действуют, например, в процессе «вживания» иноязычных слов как в русскую разговорную речь, так и в нормативный язык, примером чего может служить группа существительных множественного числа, заимствованных из английского языка (*бутсы, джинсы, слаксы, чипсы, баксы, памперсы*). В английском языке все эти слова также используются преимущественно во множественном числе, о чём

свидетельствует наличие элемента -S. При освоении данных слов русским языком необходимость передачи значения множественности данных предметов или их составных частей заставила добавить к ним ещё и русский формообразующий элемент – окончание множественного числа существительных -BI. Следовательно, указанные слова стали как бы «дважды множественными».

Таким образом, можно сказать, что Л.В.Щерба сформулировал речевую модель, которая позволяет выявить общую основу таких, казалось бы, разноплановых явлений, как речь русских эмигрантов, разного рода жаргоны, литературные образцы языковой игры, раскрывая механизм создания слов-гибридов средствами двух языков и их функционирования в различных сферах языкового употребления. Необходимыми свойствами таких образований являются типичность, продуктивность, узнаваемость строевых элементов русского языка в их структуре. Только при данном условии подобного рода текст или отдельные слова приобретают способность заключать в себе и передавать информацию.

Литература:

1. Толстая Т. Надежда и опора // Московские новости. – 1998. – №45. – С.17.
2. Голубева-Манаткина Н.И. Об особенностях русской речи потомков первой русской эмиграции во Франции // Русский язык за рубежом. – 1993. – №2. – С.103.
3. Земская Е.А. Язык русского зарубежья // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 30-31.
4. Мокиенко В.М. Образы русской речи. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – С. 66.
5. Фёдорова Л.Л. Английский в сетях русского: интерференция в компьютерном жаргоне // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С.271.
6. Трофимова Г.Н. Русский язык в Интернете // Русская речь. – 2002.– №1. – С. 127.
7. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 1999.– С. 68-69.